

ПРОБЛЕМА ОРИЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В.М. КРЮКОВ

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь, wmkru@mail.ru*

ВВЕДЕНИЕ

В свое время Г.В.Ф. Гегель писал: «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминания о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [1, с. 7—8].

Понятие трансформации, широко используемое в социологической литературе последние полтора десятка лет, гораздо респектабельнее понятия «сутолоки», однако при ближайшем рассмотрении трансформируемой действительности и самого содержания трансформационных процессов, развернувшихся на постсоветском пространстве, нетрудно обнаружить, что и социальная действительность, какой она является на данный момент, и процессы ее преобразования в значительной мере могут быть представлены как быстрое, хаотичное столкновение разнонаправленных социально-экономических, политических, правовых и т. д. явлений и, соответственно, как плюралистическое многоголосие экономических, политических, правовых и т. д. воззрений социологов, философов, политиков, правоведов, пытающихся уловить в наблюдаемой, исследуемой «социальной броунаде» закономерность, направленность и пытающихся опережающим образом сориентироваться в ней.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Разобраться в непрерывающемся торжестве плюрализма речей и действий трудно. Так, «бледное воспоминание прошлого» - слабое средство для понимания настоящего, потому что слишком круто смешались, сплелись в едином социальном целом различные силы, интересы, стремления, идеалы социальных акторов - субъектов социальной деятельности. Усугубляет ситуацию неопределенности и то важное обстоятельство, что в последней четверти XX в. мир стал столь взаимозависим, взаимообусловлен во всех своих частях, что говорить что-либо значимое в рамках осмысления существа и направленности социальных процессов в любой из этих частей вне учета глобальных зависимостей становится некорректным. Так что в методологическом плане решению любой проблемы современного социального познания должна предпосылаться диалектика связи единичного, особенного и общего.

Характеризуя трансформационные процессы в современном российском обществе, видный социолог академик РАН Т.И. Заславская пишет: «Россия сегодня вышла на тот рубеж, когда она особо нуждается в социальном, экономическом и политическом ориентировании. Она напоминает собою путника, который шел в определенном направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности - и теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, в бок, в сторону, по кругу Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России. Будут найдены эти критерии - можно будет восстановить процесс поступательного развития страны, не будут найдены эти критерии - страна станет топтаться на месте, возвращаться вспять, разрушаться» [2, с. 28].

Развивая предложенное сравнение, заметим, что общество, будучи субъектом деятельности, не только *может быть похоже* на путника, потерявшего ориентиры, но, что особо важно, *состоит* из путников — граждан, имеющих или не имеющих ту или иную ориентацию, обретающих или теряющих различного рода и типа ориентиры. Так что от того, какие именно ориентиры теряют или обретают граждане, жизненный путь которых опосредован их социальной деятельностью, существенным образом зависят направление движения и развития общества, его ориентиры и его ориентация. Так же как от целостной ориентации и ориентиров изменения, трансформации и т.п. в целом общества зависят характер, типы, распределение, дисперсия ориентиров и ориентаций отдельных граждан, групп, слоев и т.п.

То, что изменения в окружающей человека (как главного субъекта социальной деятельности) действительности происходят и в нем самом, подчиняясь цикличности, законам диалектики, законам соотношения необхо-

димости и случайности, возможности и действительности и т.п. - было замечено и, в принципе, учитывалось с давних пор. Вопрос всегда заключался в осмыслении, нахождении человеком себя, своей определенности: нравственной, религиозной, политической, правовой и т. д., своего места и роли в этом непрестанном движении социального и природного бытия, характеризуемого, прежде всего, бесконечным разнообразием, сложностью и противоречивостью. Вопрос заключался в поиске ориентиров, точек опоры - не для того, конечно же, чтобы, «обретя точку опоры, весь мир перевернуть», а скорее для того, чтобы самому в этом мире устоять [13].

В западной философской мысли понимание тенденций и проблем развития общества на современном историческом этапе во многом опирается на известное положение К. Попиера, согласно которому свобода, демократия, закон как выражения свободы человеческого мышления и непредсказуемости исторического сценария - это главное методологическое требование, которым должен руководствоваться социальный инженер, проектируя ближайшее и отдаленное будущее [4]. В противоположность сказанному, понимание тенденций и проблем развития общества может базироваться и на иной основе — на методологических идеях об объективной детерминированности, осознанной необходимости, предопределенности социальной деятельности, нашедших свое конкретное выражение в теоретических разработках марксизма [5, с. 546].

В воззрениях первого типа отражается то вызревшее во взаимодействиях людей отношение к социальной действительности, для которого характерно освобождение мысли, воли и действия поствоенных поколений от тоталитарных представлений, обязывающих и принуждающих действовать сообразно внешним государственным, морально-религиозным, правовым или иным регламентациям; для которого характерен выбор образа действия, образа поведения, образа жизни соответственно внутренним осознанным или даже неосознанным мотивам, побуждениям; для которого, наконец, пространство выбора жизненных ориентиров, точек опоры, систем отсчета весьма широко, а сам выбор становится социально значимым не только в плане выражения в факте его действительности, реализуемости основополагающей ценности попперовской доктрины — ценности свободы личности, но и в плане соотношения мотивов и значимости осуществленных выборов.

Противоположность марксистской и попперовской доктрин, переживших своих авторов, ощутима и сегодня: они по-прежнему оказывают существенное воздействие на формирование взглядов и оценок социальной реальности, места и смысла деятельности в ней человека, являясь своеобразными полюсами оси, вокруг которой вращаются другие учения в попытках дать адекватные ответы на современные вызовы. Мыслители XX в. (J.I.С. Франк, А. Швейцер, Х. Лоренц, М. Хайдеггер и др.) сознавали, что в повседневной жизни и отдельного человека, и общества в целом наличие случайности, непредсказуемости явлений, событий, факторов признается и ощущается в величайшей степени. Вследствие этого любые изменения социального организма - развитие, прогресс, регресс, трансгрессия, революция, трансформация и т.д. - порождают особую психологическую и гносеологическую атмосферу, характерными признаками которой являются подвижки, ломки привычных представлений, ценностей, идеалов и т.п., влекущие потерю идентичности, определенности субъектами социальной деятельности. Причем эта потеря может иметь место на всех уровнях социального бытия для любых субъектов: индивида, личности, социальной группы, общества.

XXI в. не стал в этом отношении исключением. Скорее, наоборот, в нем с еще большей остротой ощущаются неопределенность бытия, неуверенность в настоящем и будущем. Известный российский мыслитель и писатель Э. Радзинский, говоря о необходимости и трудности понимания настоящего и прошлого, отмечает, что в России, например, «за последние восемьдесят лет сменилось три цивилизации, и каждая переписывала Историю. Причем подчас по нескольку раз. Можно догадаться, какой хаос в головах и душах... Это губительно. История - ведь это карта для мореплавания, и страшно, если места, где корабль потерпел крушение, объявляют местами великих побед. Тогда Господь заставляет страну повторять невыученный урок. Тогда 70 лет правления большевиков оказываются лишь долгим путем от капитализма ... к капитализму» [6, с. 2].

Обреченность исторического развития человечества на *неопределенность и альтернативность* - характерная черта современности. Об этом пишут и экономисты, и психологи, и философы, и социологи. Белорусский экономист А.А. Быков отмечает, что неопределенность, сложность и риск стали неотъемлемыми характеристиками современного общества, вносящими существенные коррективы как в экономические стратегии компаний, так и в повседневные действия индивидов [7, с. 34]. По мнению других, в условиях глобализации мировой бизнес характеризуется постоянным ростом неопределенности и сложности [8, с. 35-37], начиная с 1990 г. доминирует управление в условиях неожиданных и неузнаваемых событий [9, с. 29-31]. Социологи и психологи подчеркивают те же особенности перемен общественной жизни, причем не только в странах СНГ, но и вне их. Ситуация усугубляется тем, что усиленно происходит классовое социально-структурное расслоение общества, возникают политические партии с принципиально разными программами, целями, задачами и методами ведения борьбы за власть; все сильнее и разрушительнее заявляет о себе противоречивость ценностей и духовно-нравственных идеалов, определяющих современное общественное сознание [10, с. 23]. Перманентная изменчивость социальной действительности порождает феномены кризисного сознания. Сегодняшнего человека пугает не только прошлое, но и будущее: пугает страшной известностью свершившегося и не менее страшной неизвестностью готовящегося свершиться.

Прав К.С. Гаджиев, утверждающий вслед за П. Тиллихом, что в XX в. люди заглянули в тайники зла глубже, чем большинство прежних поколений, что люди Нового времени своими действиями и поведением способствовали высвобождению тех сил, страстей, мотивов, которые в XX в. привели к восхождению тиранических режимов нацистского и большевистского толка и двум мировым войнам, ставшим сущими Армагеддонами, принесшими человечеству неисчислимые бедствия и страдания; что в наш век сверхзнаний, сверхинформированности, торжества науки и высоких технологий конфликтогенный потенциал людей несколько не уменьшился, если не усугубился еще больше; что, как показал весь опыт XX и начала XXI века, «бараноидное» сознание присуще не только прежним эпохам, но, возможно, еще в большей степени, современности. Более того, именно научно-технические достижения создали беспрецедентные условия для перерождения «бараноидного» сознания в параноидное. И это не удивительно, если учесть, что лучшим возбудителем спящего в душе каждого человека дьявола стали кино и электронные СМИ [11, с. 9], порождающие эскалацию негативных ориентаций.

В интерпретации происходящих перемен среди исследователей появляются и утверждаются такие знаковые понятия, как «культурный хаос», «системная неопределенность», «общество без правил», «культурная дезориентация». И если в традиционном подходе культура понимается как совокупность значений, ценностей и норм, выполняющих функцию упорядочивания и объяснения мира, делающих его понятным и предсказуемым, то появление вышеназванных понятий указывает на недостаток или слабость этой упорядочивающей, объясняющей, ориентирующей, регулирующей функции культуры с ее нормами и категориями. Данный феномен выделяется как важный элемент существующей в настоящее время социальной и культурной реальности [12], которую характеризуют изменчивость, текучесть, бесформенность, и в которой одни нормы и ценности исчезают, а другие появляются. При этом расхождение между ценностями осознаваемыми и неэффективными, подсознательными и результативными опустошает личность современного человека, который в этой ситуации вынужден действовать вразрез с тем, чему его учили, а это, в свою очередь, порождает чувство вины, недоверие к себе и другим, беспокойство и потерянность.

Выделяя наиболее существенные характеристики социокультурного положения человека конца XX - начала XXI в., нельзя не видеть, что в условиях нарастающих глобальных трансформаций, демографических аномалий с сопутствующими им особенностями осознания людьми характера своей включенности в историческую реальность, субъект социальной деятельности во все большей степени испытывает растерянность перед многообразием альтернатив поведения и деятельности, все более дезориентируется в потоках противоречивой информации. И чем активнее это происходит, тем в большей степени осознается ненормальность имеющих место абсолютизаций утверждения безопорного, бесцельного, лишнего смысла образа жизни как единственно возможного. А значит, формируется противодействие крайностям постмодернистского миропонимания, проявляющееся в устремленности к такому пониманию мира и человека, в основе которого лежит удовлетворение обладанием разумом и притекающей от разума ясностью помыслов и поступков.

Такого рода противодействие как реакция на разрушение былых опор деятельности требует смены глобальных мировоззренческих констант: либо люди пойдут другим, гуманным по отношению к миру и человеку путем, либо наша цивилизация обречена на гибель, т.к. нельзя не согласиться с мыслью, что в век термоядерного оружия, глобальных кризисов (энергетического, экологического, демографического и т.д.) необходимо торопиться обрести определенность, ясность и уверенность в истинах и ценностях, объединяющих людей, помогающих построить в союзе со всеми людьми «ковчег согласия», помогающих сохранить природу и человека на планете Земля [13, с. 10]. Найти эту определенность, ясность, уверенность - значит, избавиться от безопорности бытия, его неопределенности, разрушительным образом действующей на сознание людей в современном обществе, в планетарном масштабе стоящем на краю социальных и геополитических катастроф. Мысль академика В.И. Вернадского о соизмеримости мощи человечества и мощи природы, все более подтверждаемая на практике, заставляет признать, что современному человеку под силу не только изменить, привести мир к несомненно лучшему из его возможных состояний, но и привести мир человеческого бытия к исчезновению. Последнее вовсе не противоречит никаким законам природы, поскольку природа, бесстрастно пережившая потери доисторических гигантов-животных, столь же бесстрастно, безразлично переживет утрату гордящегося своей духовной необычностью человека.

Безусловно, одной из основных проблем является то, что, отдавая или не отдавая себе в том отчет, *все* люди желают жить благополучно, обеспеченно, жить так, как живут в развитых странах, т. е. производить много и, соответственно, много получать, много иметь, многим обладать. Но нельзя не сознавать, что ни в ближайшей, ни в отдаленной перспективе для большинства людей это объективно невозможно. Планета не в состоянии выдержать столь массовое потребительское к себе отношение. К 2030 г. население Земли приблизится к 10-12 миллиардам, из которых большая часть будет происходить из ныне развивающихся стран, то есть стран, в которых население еще только обретает вкус к обеспеченной жизни. И если все население земного шара начнет жить так, как живет сегодня «золотой миллиард», ресурсы планеты закончатся, скорее всего, через 100 лет. Из этого следует, что ориентиры чисто потребительского отношения к природе и к производимым сегодня

обществом материальным благам уже в ближайшем будущем не смогут быть ценностями «ковчега согласия». Выходом может быть предложение человеку и человечеству нового стандарта поведения, исходя из новой системы ориентиров, основу которой составляют не только материальные, но, прежде всего, духовные ценности [14].

В этом плане нам видится вполне правомерной позиция, согласно которой для получения интегральной картины общества, называемого постиндустриальным, информационным, разумно применить позитивные термины постмодернистской философии: плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность, изменчивость, контекстуальность. Все они так или иначе связаны с утверждением разнообразия как лейтмотива постиндустриального общества. И хотя само по себе разнообразие всегда лежит в основаниях функционирования сложных образований, к числу которых принадлежит и общество, является в этом плане объективной предпосылкой существования сложных систем, тем не менее, именно для постиндустриального типа общественной организации характерно не только осознание разнообразия в качестве важнейшей предпосылки общественной организации, но и активное использование последнего в различного рода технологиях (информационных, политических, экономических и т. д.) [15, с. 9].

В то же время глобализация и интеграция, характерные для утверждающейся в XXI в. постмодернистской организации общественной жизни, влекут за собой локализацию и дифференциацию образа жизни и мышления индивида, влекут одиночество человека в массе [16, с. 161]. Каждый в этом обществе не только умирает, но и живет в одиночку. Последнее не может не приходиться в определенное противоречие с общественной природой человека, находящей свое выражение в том, в частности, что человек, кроме всего прочего, живет благодаря дару, благодаря роскоши общения с другими людьми - родными, близкими, друзьями. И в этом плане постиндустриальная и постмодернистская модель общественной жизни - не просто отказ от прежних ее принципов, но и отказ от принципиальных ценностей, вне которых жизнь утрачивает во многом подлинно человеческий смысл. В свое время, предвосхищая утверждение потребительской модели общественной жизни, Э. Фромм осуждал ее как такую, в которой жизненная энергия человека направлена в основном на обладание. Он разделял и считал важным взгляд З. Фрейда, согласно которому «превалирующая ориентация на собственность возникает в период, предшествующий достижению полной зрелости и является патологической в том случае, если она остается постоянной ... личность, ориентированная в своих интересах исключительно на обладание и владение, - это невротическая, больная личность; следовательно, из этого можно сделать вывод, что общество, в котором большинство его членов обладают таким характером, является больным обществом» [17, с.110].

К сожалению, и наука, породившая надежды на лучшую жизнь у поколений людей XVIII и XIX вв., ныне не выполняет в должной степени ту просветительскую и ориентационную функцию, с которой связывали ее развитие французские мыслители XVIII в. и их последователи времен НТР в XX ст. Наука во все большей мере утрачивает свои ведущие позиции в качестве средства познания собственно человеческой сущности жизни и деятельности людей, в качестве средства овладения и присвоения этой сущности, подчинения ей всех иных аспектов жизнедеятельности; наука перестала рассматриваться как «самый большой авторитет в обществе», оказалась отодвинутой на второй план, тогда как на первый стали выходить разного рода квазинаучные представления, наукообразные предложения, разного рода верования, магия и шарлатанство [18]. Становится видимой та последняя черта, за которой человечество может погибнуть как цивилизация от лишнего человеческого нравственной основы прогресса, ибо современная цивилизация создала такое мировоззрение, которое несовместимо с самой цивилизацией [19, с. 389].

А.И. Данилов, характеризуя общий системный кризис человеческого общества, порождаемый, по его мнению, прежде всего кризисом западной цивилизации, справедливо отмечает, что в этих условиях социология из науки, объясняющей явления, должна превратиться в науку, «созидающую новую социальную реальность». Новая же парадигма заключается в усвоении новой философии смысла и цели человеческого развития, поскольку потребительские подходы выявили их полную непригодность, тем более что в настоящее же время нет ни государства, ни философии, которые могли бы служить единой целью развития человечества как такового. Не могут стать прообразом подобной цели и США, где, как признал бывший вице-президент А. Гор в своей книге «Земля на чаше весов», рыночно-потребительская цивилизация создала тупиковую ситуацию [20, с. 203].

Сознание остроты проблем, нарастающих в современном мире, сознание необходимости их теоретического и практического решения требует сближения фундаментальных и прикладных исследований. Нельзя не согласиться потому с российским философом А. Зиновьевым, писавшим, что без разработки новых фундаментальных идей, без новой базисной теории любые «исследования эмпирической социологии, конкретные измерения и вычисления превращаются в мошенничество, в орудия идеологии и пропаганды, а формальные построения оказываются пустыми умственными (знаковыми) конструкциями. Одним словом, точные методы социальных исследований без содержательной теории, адекватной данному обществу, превращаются из орудий понимания этого общества в орудия помутнения умов» [20, с. 203].

Не случайно, что сквозь пронизывающий общественную жизнь плюрализм идей, столь концентрированно явивший себя в XX ст., сквозь плюрализм, явившийся в определенном смысле ответом на «вызовы» времени, во все большей мере просвечивается потребность теоретической мысли пробиться к некому инварианту, к некоей значимой совокупности, системе ценностных ориентиров, адекватных сути человека, стремящегося вернуться к себе - аутентичному своей разумной сущности, аутентичному своему стремлению к возвышенному и совершенному в людях и, тем самым, в себе, ибо движение человеческого разума, человека как мыслящего существа в пространстве и времени исторического бытия есть движение не просто индивида, но, при всех зигзагах, поворотах, отступлениях назад, скачках вперед и т. д., есть движение рода, движение человечества.

Путь к реализации такой потребности, актуальной в разные эпохи человеческой истории, а не только в наши дни, лежит, на наш взгляд, в плоскости теоретического осмысления существа ориентационной деятельности, проходит через исследование генезиса механизмов ориентационной деятельности, как они исторически складывались и развивались в общественной жизни - через формирование категориального аппарата ориентации и его применение в качестве искомой гносеолого-методологической основы социального познания и социального проектирования.

Вполне ясно, что в условиях, когда все ждут пророка, он, конечно, должен придти, но не всех он осчастливит и не все проблемы решит, потому что мораль, культура, болезни, новые социальные отношения - это не изречения мудрых, а тяжелая практика жизни миллионов, которую еще надо организовать [20, с. 213]. Так что на фоне признания заботы о смысле жизни экзистенциальной сущностью человека вопрос о единстве восприятия и понимания человеком действительности, о единстве, общности ценностей, идеалов, смысла жизни остается открытым. Остается открытым и вопрос о необходимости и возможности той системы базовых ориентиров, базовых ценностей, в которой бы смысл жизни и вся система принципов жизнедеятельности человека определялись ясно и однозначно.

В сложном и противоречивом изменении мира социокультурная действительность предстает в качестве пространства, контекста бытия, в который равным образом «погружены» и в котором вынуждены действовать и теоретик, и практик, и индивид, и личность, и социальная общность, и общество в целом. Вместе с тем способы самоопределения, выбора образа поведения и деятельности последних имеют не только значимые различия, но и не менее значимое сходство.

Названное сходство заключается в общности стоящей перед субъектами социальной деятельности проблемы: найтись в постоянно меняющемся мире, своевременно сообразоваться с наличной реальностью, найти соответственные этой реальности основания для деятельности, позволяющей и индивиду, и личности, и обществу не только сохранить, но и утвердить себя в качестве биологического, психического, социального и духовного актора; в общности, следовательно, стоящей и решаемой ими теоретической и практической проблемы ориентации.

Сказанным абрисно очерчивается проблема изучения связи, взаимодействия различных субъектов социальной деятельности (индивида, группы, страты, общества) в аспекте обретения или потери ими ориентации, ориентиров деятельности — нравственных, политических, религиозных, экономических и др. в условиях радикальных подвижек (перестройки, трансформации, революции и т. п.) общественной жизни, столь характерных для конца XX и начала XXI ст. В широком смысле сегодня становится ясно, что осмысление проблемы ориентации субъекта социальной деятельности - это осмысление не только ориентации российского, белорусского, украинского, грузинского и других обществ, но и осмысление проблемы ориентации индивида, живущего в глобализирующемся мире, и в то же время (в силу отмеченной выше взаимозависимости) - осмысление проблемы ориентации мирового сообщества.

В приведенной связке указанные проблемы, насколько нам известно, не рассматривались, как и не рассматривались связанные с ними и предваряющие их решение вопросы: а) о том, какими методологическими средствами можно раскрыть изъяны в знаниях определенности и направленности деятельности социальных субъектов; б) о том, каково существо ориентации как особого феномена социального бытия и социальной деятельности; в) о том, в чем выражается характер и чем определяется действенность механизмов формирования ориентации индивида и общества; г) о том, какова специфика современных общечеловеческих ориентиров.

Процесс практического решения проблемы ориентации любым субъектом составляет существо соответствующей деятельности - *ориентационной*. Суть ее заключается в установлении соответствия определенности образа мышления и действия субъекта обстоятельствам места и времени, содержанию и характеру функционирования феноменов бытия, образующих единство природного и социетального пространств. Исходным при этом является то, что в целостной жизнедеятельности человека невозможно найти такую сферу или сферы, где он так или иначе, в том или ином виде не имел бы дело с потребностью в ориентации, с необходимостью осуществления ориентационной деятельности, где ему, следовательно, не было бы нужды ориентироваться. В той мере, в какой изменение общественного, природного и духовного бытия является атрибутом последнего, в какой изменение порождает альтернативность, неопределенность, безопорность, неуверенность и т. п., в той же мере атрибутом жизнедеятельности человека является ориентация, разрешение им соответствующих

этим изменениям ориентационных проблем. Сориентироваться - значит преодолеть неопределенность бытия в окружающем мире, осознать и сделать своим достоянием те факторы (ценности, нормы, идеалы, духовные и иные опоры), которые обуславливают или способны обусловить определенность мысли и действия, необходимую и достаточную для реализации индивидом, личностью, социальной общностью их сущности.

В свете сказанного методологически важной представляется мысль о нахождении субъектом социальной деятельности своего места («дома»), своей, соответствующей этому месту определенности в пространстве миробытия, которое независимо от воли и желания социального субъекта расширилось, трансцендировалось сегодня далеко за пределы собственно физического местонахождения субъекта. Речь идет о расширительном толковании положений, высказанных в недавнее время Т. Заславской, а именно о понятии социетального пространства как гносеолого-методологическом инструменте установления определенности субъекта социальной деятельности в исторически и логически обоснованной и соответственно заданной системе социальных координат [2].

Рассматривая в теоретическом и практическом планах ориентацию как феномен и форму социальной деятельности, необходимо, прежде всего, отметить, что, взятая в широком смысле, она есть и особое явление, и свойство, и характеристика действительности. В качестве характеристики бытия ориентация выражает зависимость определенности явлений действительности от их местоположения в физическом, социальном (социетальном), информационном, семиотическом, культурологическом и т. п. пространствах. При этом пространство выбора жизненных ориентиров, точек опоры, систем отсчета или, другими словами, пространство ориентации субъектов социальной деятельности, велико и разнообразно. Сам выбор становится социально значимым не только в плане реализации в нем свободы как основополагающего принципа социальной практики в XX ст., но и в плане соотношения мотивов, целей и результатов, следующих из осуществленного выбора. Ориентация в этой связи выступает одним из решающих признаков функционирования любой общности людей в подверженном трансформациям мире, выступает результатом процесса самоопределения и для отдельной личности, и для больших групп людей.

Именно сложностью и важностью процесса ориентирования в перманентно изменяющейся социальной действительности, все более и более наполняемой многообразием нередко противоречащих друг другу знаний, ценностей, идеалов и т. п., порождается необходимость в эффективных механизмах формирования и реализации ориентации социальных акторов. Среди таких механизмов и давно известные, как-то: наука, искусство, мораль, религия, философия и т. п., и недавно приобретенные - идеология, политические технологии, телевидение и т. п. Проблема, однако, в том, что данные механизмы формирования и реализации ориентации действуют зачастую не только не слаженно, но и противоположно друг другу, при этом они не утрачивают своего ориентационного воздействия на социальный субъект, а он, в целях сохранения своей идентичности, должен либо довериться одному из них (религии, науке, искусству, идеологии и т. д.), либо найти метамеханизм ориентации, в котором ориентационное воздействие противоречащих механизмов было бы устранено, либо решить проблему ориентации в изменяющейся социальной действительности, полагаясь на механизмы иррациональной природы. В сегодняшнем быстро и постоянно изменяющемся мире - это не простые жизненно важные альтернативы, стоящие перед любым субъектом социального действия. От них невозможно уйти, их невозможно игнорировать, их разрешение видится в дальнейшей разработке как теоретических, так и практических вопросов реализации ориентирующей функции, свойственной фундаментальным регуляторам общественной жизни: морали, науке, религии, философии, искусству, а также праву, политике, идеологии, многообразным средствам социальной коммуникации.

ВЫВОДЫ

Перманентное изменение сложной и противоречивой действительности, в которой реализуется деятельность социальных акторов, собственная сложность и противоречивость самих акторов заставляют осознавать взаимодействие человека и мира как проблемное, насыщенное неопределенностью и случайностью. На уровне рефлексии это выражается в выделении общественным сознанием специфических феноменов потери и поиска людьми своей идентичности, определенности оценок действительности, места и роли, смысла жизни; фиксируется в осознании деструктивной и конструктивной значимости для человека проблемы ориентации, ее содержания, укорененности в антропосоциогенезе форм и способов жизнедеятельности, а также в осознании необходимости решения данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, Г. Философия истории / Г. Гегель. - М., 1935. - Т.8. - С. 7-8.
2. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Социология. - 2007. - № 3. - С. 28-29.
3. Крюков, В.М. У истоков философского знания / В.М. Крюков, С.Д. Шаш. - Брест: БрГУ. - 1989. - Ч. 1. - С. 4.
4. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги / К.Р. Поппер / Чары Платона: пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. - М.: Феникс, 1992. - Т.1. - С. 32.
5. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. - М.: Политиздат, 1987. - Т. 20. - С. 546.
6. Лебедина, Л. Среди молний истории / Л. Лебедина. // Труд. - 2007. - 2 февр.
7. Быков, А.А. Антикризисная стратегия предприятий как элемент системы экономической безопасности Республики Беларусь / А.А. Быков // Социология. - 2007. - №1. - С. 34.
8. Кривель, А. Взгляд на современный менеджмент через призму консалтинга / А. Кривель // Директор. - 2002. - №4. - С. 35-37.
9. Коллонтай, М.М. Управление предприятием: новые вызовы времени / М.М. Коллонтай // Директор. - 2002. - №4. - С. 29-31.
10. Турбовский, Я.С. Проявление активной жизненной позиции в современных условиях / Я.С. Турбовский // Формирование социально активной личности - основа развития гражданского общества. - Воронеж, 2005. - С. 23.
11. Гаджиев, К.С. Апология Великого Инквизитора / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. - 2005. - № 4. - С. 9.
12. Мартинковский, М. «Внутренне управляемый» человек в новом тысячелетии / М. Мартинковский // Трансформационные процессы в обществе; их последствия в экономической и духовной сферах жизни. - Брест, 2003. - С. 64.
13. Кутасова, И.М. Современная западная философия / И.М. Кутасова // Хрестоматия по философии: от Шопенгауэра до Дерриды. - М.: Владос, 1997. - С. 10.
14. Митрополит Кирилл. Правильное богатство - дар Божий / Митрополит Кирилл // Известия. - 2007. - 6 марта. - С. 10.
15. Неверова, З.А. Актуальные проблемы постмодернистского общества и Беларусь / З.А. Неверова // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества: материалы Междунар. научно-метод. конф., г. Витебск. - 4.2. - Минск: ЗАО «Современные знания», 2005. - 4.2 - С. 76.
16. Тиллйх, П. Вечное сейчас (Три проповеди из книги) / П. Тиллйх // Вопросы философии. - 2005. - № 5. - С. 161.
17. Фромм, Э. Иметь или быть / Э. Фромм. - М., 1986. - С. 110.
18. Рубинов, А. Наука и общество / А. Рубинов // Беларусь сегодня. - 2007. - 12 дек.
19. Философия: учебник / под ред. Н.И. Жукова. - Минск: НТЦАПИ, 2000. - С. 389.
20. Данилов, А.И. Социологическая наука о новой парадигме развития / А.И. Данилов // Filozofia blizsza zyciu. - Tom 1. - Warszawa: Wyzsza Szkola Finansow i Zarzadzania w Warszawie, 2005. - С. 203.

THE PROBLEM OF ORIENTATION OF THE SUBJECTS OF SOCIAL ACTIVITY IN THE VARYING WORLD

V.M. KRIUKOV

Summary

In the article orientation is observed in the capacity of the significant phenomenon influencing activity of the subject in the modern varying world. Having the potential for deeper investigation the problem of orientation requires of appropriate investigation of directions and instruments of its analysis.

Поступила в редакцию 24 марта 2008 г.